

УДК 346.52

Коррупция: вопросы законодательного регулирования и совершенствования законодательства

Сидоров Б.В.

Доктор юридических наук,
профессор кафедры уголовного права
Казанского (Приволжского) федерального университета

Балаев А.Ш.

Аспирант кафедры уголовного права
Казанского (Приволжского) федерального университета

В статье продолжается исследование вопросов, обозначенных в ее названии, рассмотрение которых авторы начали в предыдущем номере журнала. Если ранее нами подвергались критическому анализу положения, касающиеся легализованного в отечественном законодательстве определения коррупции, то в настоящей работе предлагается его авторское определение, показывается роль законодательного определения коррупции в процессе оптимизации норм УК РФ, предусматривающих ответственность за коррупционные преступления.

Ключевые слова: коррупция, новый федеральный закон о коррупции, закон о противодействии коррупции, ответственность за коррупционные преступления, система и виды коррупционных преступлений.

**Не плата за службу обогащает чиновника,
а связанные со службой денежные оказии.
Эмуэл Пайнс.**

Безобидное, на первый взгляд, определение «связанные со службой денежные оказии», по словам известного английского политика, обогащающие чиновника, на самом деле скрывает губительное для общества и государства явление коррупции. Сказанное лишний раз свидетельствует о том, насколько важно правильно определить это понятие, особенно там, где оно является нормативной базой для формирования системы коррупционных правонарушений (преступлений) и мер противодействия коррупции.

Сделанные ими ранее замечания, выводы и предложения относительно недостатков и достоинств законодательного определения коррупции, коррупционных и других связанных с ними пра-

вонарушений (преступлений), дают реальную возможность сформулировать это понятие, как нам кажется, в более оптимальной редакции. Полагали бы правильным термин «коррупция» в ст. 1 Федерального закона № 273-ФЗ от 25 декабря 2008 г. истолковать следующим образом:

«Статья 1. Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе. Для целей настоящего Федерального закона:

1) *коррупция* означает:

преходящее, исторически изменчивое, противоречащее этическим нормам взаимоотношений власти и общества и установленному порядку несения службы негативное социально-правовое явление, выражающееся в совокупности (системе) умыш-

ленных правонарушений (преступлений), совершаемых публичными служащими (вариант: «государственными и муниципальными служащими») или служащими частного сектора (вариант: «служащими коммерческих и иных организаций») с незаконным использованием своего служебного (должностного) положения, связанных с ним возможностей и авторитета власти вопреки интересам общества и государства в целях извлечения материальной выгоды в виде имущества, прав на имущество или услуг имущественного характера в интересах себя самого, другого физического или юридического лица либо группы лиц.

Тесная связь коррупции с организованной преступностью является одной из основных признаков наиболее опасных форм (уровней) коррупции и организованной преступности.

2) *Коррупционное правонарушение означает: установленное настоящим Федеральным законом или иными правовыми актами федеральных органов государственной власти действие (бездействие), содержащее признаки коррупции, за совершение которого предусматривается уголовная, административная, гражданско-правовая и дисциплинарная ответственность.*

3) *Правонарушение, создающее условия для совершения коррупционных правонарушений, означает: умышленное противоправное содействие совершению правонарушения, содержащего признаки коррупции, т.е. незаконное предоставление материальной выгоды лицам, указанным в части 1 настоящей статьи, за совершение действий (бездействия) в интересах дающего с использованием своего служебного (должностного) положения, связанных с ним возможностей и авторитета власти, воспрепятствование осуществлению проверки, расследования и разбирательства по материалам и делам о коррупционных и связанных с ними правонарушениях, отмыывание доходов от этих правонарушений, укрывательство коррупционных правонарушений, имущества, полученного в результате их совершения, или их участников, подстрекательство, пособничество или иное умышленное создание условий для совершения коррупционных правонарушений».*

Анализ основных положений Конвенции ООН 2003 г. показывает, что этот фундаментальный международно-правовой акт, предусматривающий целостную систему мер противодействия коррупции правового характера включает в нее, наряду с привлечением к уголовной и иной ответственности за коррупционные правонарушения (преступления) и способствующие им правонарушения (преступления), также меры, направленные на защиту должностных лиц судебных и правоохранительных органов, свидетелей, экспертов и потерпевших от вероятной мести или запугивания, т.е. лиц, кото-

рые выполняют свой гражданский долг по делам о коррупционных и связанных с ними преступлениях (ст. 32), или на защиту лиц, сообщающих информацию о любых фактах, связанных с указанными правонарушениями (преступлениями), компетентным органам (ст. 33).

Конвенция Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г. также предусматривает меры защиты тех, кто сообщает об уголовных правонарушениях, признанных в качестве таковых настоящей Конвенцией или иным образом сотрудничает с органами, осуществляющими расследование и разбирательство, свидетелей, дающих показания, касающиеся этих правонарушений (ст. 22).

Иными словами, указанные международные правовые документы, в отличие от Федерального закона № 273-ФЗ, признают, необходимым принятие уголовно-правовых мер защиты лиц, так или иначе способствующих антикоррупционной деятельности, а следовательно, и мер ответственности лиц, противодействующих таковой деятельности.

Полагали бы целесообразным, предусмотреть в Федеральном законе о противодействии коррупции и, соответственно, в УК РФ нормы об ответственности за воспрепятствование осуществлению правосудия, посягательство на жизнь, применение насилия и угроз в отношении лиц, осуществляющих правосудие, либо тем или иным образом сотрудничающих с органами предварительного расследования и судом в процессе осуществления расследования и судебного разбирательства дел о коррупционных и связанных с ними преступлениях, разглашение сведений о мерах безопасности, применяемых в отношении указанных лиц и т.п. Установление уголовной ответственности за эти деяния имело бы, по нашему мнению, важное предупредительное значение и было бы воспринято населением как проявление искреннего желания власти противодействовать коррупции и защитить тех, кто так или иначе включается в антикоррупционную деятельность, надеясь на защиту государства от коррупционеров и их покровителей.

Таким образом, в ч. 4 ст. 1 Закона можно было бы дать определение правонарушения (преступления), препятствующего антикоррупционной деятельности, например, в такой редакции:

4) *правонарушение (преступление), препятствующее антикоррупционной деятельности означает: умышленное противоправное вмешательство в законную деятельность сотрудников правоохранительных органов и суда, должностных лиц других органов государственной власти и местного самоуправления с целью воспрепятствования правосудию или иному противодействию коррупции, преследование таких лиц за добросовестное выполнение ими своего служебного долга по осуществле-*

нию антикоррупционной деятельности, а также лиц, которые участвовали в совершении любого из указанных в ч. 2-3 настоящей статьи деяний, за их сотрудничество с органами, осуществляющими правосудие по делам о таких деяниях, либо лиц, добросовестно сообщающих этим органам о фактах, связанных с их совершением, или оказывающих иное содействие в борьбе с коррупцией, ее предупреждении, минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных и содействующих им правонарушений (преступлений)».

Согласно ч. 1 ст. 37 Конвенции ООН против коррупции 2003 г. каждое государство – участник принимает надлежащие меры для того, чтобы поощрять лиц, которые участвуют или участвовали в совершении какого-либо преступления, предусмотренного настоящей Конвенцией, к предоставлению полезной для компетентных органов информации в целях расследования и доказывания или предоставлению им помощи, позволяющей лишить преступников доходов от преступлений и принять меры к возвращению таковых доходов. Считаем целесообразным в Федеральный закон о противодействии коррупции, учитывая данные рекомендации Конвенции ООН, включить соответствующие меры уголовно-правового поощрения лиц, виновных в коррупционной деятельности, за их сотрудничество с компетентными органами, как форму реализации принципа справедливости при решении вопросов уголовной ответственности и наказания с учетом их позитивного постпреступного поведения. Сотрудничество таких лиц с правоохранительными органами и судом является существенной поддержкой в деятельности этих органов, именуемой в настоящем Законе противодействием коррупции.

В ч. 2 ст. 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. «противодействие коррупции» толкуется как деятельность государственных органов и органов местного самоуправления, институтов гражданского общества, организаций и физических лиц в пределах их полномочий по профилактике коррупции, борьбе с ней, включая выявление, предупреждение, пресечение, раскрытие и расследование коррупционных правонарушений, минимизации и (или) ликвидации их последствий.

Противодействие коррупции становится реальным, а не виртуальным препятствием лишь тогда, когда такая деятельность:

1) опирается на глубокую научно обоснованную политику в этой основательно запущенной сфере общественных отношений, проведение которой сопровождается постоянным надзором и координацией со стороны всех ветвей и уровней власти;

2) основывается на принципах, включающих не только те, что указаны в ст. 3 Закона (законность, публичность и открытость деятельности), но и такие как справедливость, ответственность, чест-

ность и неподкупность, правильное, добросовестное и надлежащее выполнение своих функций;

3) осуществляется при активной поддержке и непосредственном участии населения, основной массы россиян, с помощью которых только и возможно создание атмосферы нетерпимости в отношении коррупции.

Согласно ст. 5 Конвенции ООН против коррупции 2003 г. («Политика и практика предупреждения и противодействия коррупции») каждое государство-участник «разрабатывает и осуществляет или проводит эффективную и скоординированную политику противодействия коррупции, способствующую участию общества и отражающую принципы правопорядка, надлежащего управления публичными делами и публичным имуществом, честности и неподкупности, прозрачности и ответственности».

В п. «а» ч. 1 ст. 6 Конвенции, в частности, указывается, что орган или органы, осуществляющие предупреждение коррупции, не только проводят упомянутую в ст. 5 политику, но и осуществляют надзор и координацию проведения такой политики.

П. «а» ч. 1 ст. 7 Конвенции ООН, говоря о кадровой политике как части антикоррупционной политики государств-участников, указывается, что она должна основываться «на принципах эффективности и прозрачности и на таких объективных критериях, как безупречность работы, справедливость и способность».

Тот факт, что по инициативе Президента РФ Д.А. Медведева был составлен Список наиболее способных профессионалов-кандидатов на высшие должности в стране из 300 человек не вызывает особых надежд на успешное осуществление антикоррупционной кадровой политики в публичном секторе, поскольку коррупционный характер поведения государственных должностных лиц зависит прежде всего не от профессиональных способностей или неспособностей чиновника, а от стремления, как сказано в ч. 2 ст. 8 указанной Конвенции, каждого государства-участника применять стандарты поведения, обеспечивающие правильное, добросовестное и надлежащее выполнение публичных функций. Способные и даже талантливые управленцы среди чиновников-коррупционеров – не такая уж редкость. Трудно найти среди них лишь честных, неподкупных, справедливых и ответственных людей, безупречных и добросовестных должностных лиц, помышляющих об общественных, а отнюдь не о своих частных делах.

В ст. 13 настоящей Конвенции отмечается необходимость участия общества в предупреждении коррупции и борьбе с ней, содействия активному участию в процессе противодействия ей отдельных лиц и групп за пределами публичного сектора, таких как гражданское общество, неправительственные организации и организации, функционирующие на

базе общин, принятия мер для углубленного понимания обществом факта существования, причин и опасного характера коррупции, вовлечению населения в процессы принятия решений органами противодействия и т.п.

Эта международно-правовая норма, носящая название «Участие общества», полностью посвящена различным формам соучастия населения с государственными органами и органами местного самоуправления в их антикоррупционной деятельности. В Федеральном законе № 273-ФЗ аналогичной нормы, к сожалению, не имеется, хотя в ст. 7 Закона («Основные направления деятельности государственных органов по повышению эффективности противодействия коррупции»), в п.п. 2, 3, 4, 7, 8 и 17 некоторые направления участия общества, его структур и отдельных лиц в противодействии коррупции все же определяются. Однако при этом в ч. 2 ст. 1 Закона ошибочно указывается, что наряду с государственными органами и органами местного самоуправления отдельные граждане и группы населения должны действовать «в пределах их полномочий». О каких полномочиях и каких пределах их полномочий у граждан и общественных структур, участвующих в противодействии коррупции и использующих при этом свое субъективное право или исполняющих свой гражданский долг, говорят законодатели, остается лишь догадываться.

В принципе излишняя формализация антикоррупционной деятельности населения, непродуманное ограничение законодателем субъективных прав граждан и их возможностей в этой сфере общественно полезной деятельности способны существенно снизить эффективность противодействия коррупции. Без поддержки народа любые меры в этом направлении, в конечном итоге, обречены на провал. Не удивительно, что «Руководящие принципы в области предупреждения преступности и уголовного правосудия в контексте развития и нового международного экономического порядка» рекомендовали государствам-членам ООН «поощрять и активизировать участие общин на всех этапах предупреждения преступности и уголовного правосудия, уделяя всестороннее внимание защите прав человека» (ст. 28).

Отмечая особую трудность противодействия бюрократизму, волоките и взяточничеству, В.И. Ленин подчеркивал, что труднее всего бороться «с таким истинно русским явлением, как взяточничество». Он, в частности, писал: «Что мешает борьбе с этим явлением? Наши законы? Наша пропаганда? Напротив! Законов написано сколько угодно! Почему же нет успеха в этой борьбе? Потому, что нельзя ее сделать одной пропагандой, а можно завершить, только если сама масса, народная масса помогает» [1, с. 171-172].

Масса простых людей – граждан России слишком долго ожидала принятия закона против взяточ-

ничества и других проявлений коррупции и уже разуверилась в наличии у политического руководства страны воли бороться с этим явлением, а многие из россиян уже примирились с ним и даже стали находить в нем свои положительные стороны. Не напрасно говорят: «Сначала нужно, чтобы изменились взгляды людей, тогда уже можно изменять законы».

В поведении коррупционера и во многом в поведении тех, кто подталкивает к коррупционным действиям или создает условия для их совершения, ярко проявляется победа зла над добром, порока над добродетелью, живучесть мотивации поступков, выражающих отношения и мораль несправедливого общества. «Зло сильно там, – утверждал Микеланджело, – где скуден мир добром, и грань меж них проложена нестрога» [2, с. 194].

Федеральный закон № 273-ФЗ, определяя понятие, виды, правовые основы и основные направления противодействия коррупции, допускает и некоторые другие, на наш взгляд, неточности и спорные положения либо не уделяет должного внимания некоторым положениям, которые могли бы способствовать повышению эффективности этой общественно полезной деятельности.

Так, в двух различных видах антикоррупционной деятельности законодатель использует термин «предупреждение»: в п. «а» ч. 2 ст. 1 Закона – при указании на предупреждение (профилактику) коррупции как на самостоятельный вид противодействия данному явлению и в п. «б» ч. 2 ст. 1 Закона – при характеристике такого вида антикоррупционной деятельности как *борьба с коррупцией*, где названный термин применяется для определения одного из этапов данного вида противодействия коррупции. Однако «предупреждение», «профилактика» и «борьба», хотя и близкие по смыслу и взаимосвязанные между собой, скажем, применительно к воздействию на коррупцию, но не совпадающие понятия.

«Предупредить» – «заранее принятыми мерами отвлечь, опередить кого –нибудь, сделать что –нибудь ранее, чем что –нибудь произошло» (например, событие, опасность, когда они грозят, но еще не достигли дела) [3, с. 582].

«Профилактика» есть «совокупность предупредительных мероприятий, направленных на сохранение и укрепление нормального состояния, порядка» (например, профилактика преступлений) [3, с. 620].

Термин «бороться» означает «нападая, стараться осилить в единоборстве; сражаться или состязаться, стремясь победить; стремиться уничтожить, искоренить; добиваться чего –нибудь, преодолевая препятствие, трудности; вступать в столкновение» [3, с. 57].

Сопоставление указанных терминов и их использование в сфере антикоррупционной деятельности позволяет сделать следующие выводы и предложения:

1) *Предупреждение коррупции может означать специальный вид деятельности, осуществляемой органами государственной власти и органами местного самоуправления при участии институтов гражданского общества, организаций и граждан, путем выявления причин коррупции и направленного на них воздействия с целью снижения их криминогенного потенциала и в последующем уровня коррупционных правонарушений (преступлений). Это общесоциальное предупреждение, связанное с коррупцией как явлением.*

Предупредительные меры, принятые на общем уровне, представляют собой элемент социальной политики, направленной на совершенствование общественных отношений, образа жизни и воспитания людей, их социальную защиту. Ст. 21 «Руководящих принципов в области предупреждения и уголовного правосудия в контексте развития и нового международного экономического порядка» под характерным названием «Предупреждение преступности как элемент социальной политики» прямо указывает, что основу предупреждения составляют обеспечение справедливого социального и экономического развития, устранение явлений несправедливости и защиты прав человека и т.п. В ст. 35 («Социальное неблагополучие и неравенство») указанного международного правового документа рекомендуется облегчить тяжелую участь лиц, находящихся в неблагоприятном положении, гарантировать равенство, беспристрастность и справедливость. При этом «необходимо исходить из того, что достижение подлинной социальной справедливости в области распределения материальных и духовных благ всех членов общества, ликвидация всех форм эксплуатации и социального, и экономического неравенства и угнетения, а также реальная гарантия всех основных прав человека и свобод представляют собой главный залог успехов борьбы с преступностью и ее полного искоренения из жизни общества».

Основные причины современной преступности носят настолько глобальный и независимый от субъективных факторов характер, настолько срослись с существующими общественными отношениями, господствующей системой социальных и духовных ценностей, что даже большое и, возможно, искреннее стремление нынешнего руководства страны искоренить или устранить эти причины, в том числе причины коррупционной преступности, а значит, и саму коррупцию, представляется весьма привлекательным, но практически неосуществимым проектом.

Предупреждение преступности в целом следует рассматривать как социально – правовой процесс, снижающий или ограничивающий обстоятельства и явления, порождающие преступность вообще и исследуемый вид преступности в частности, снизить или ограничить ее криминогенный потенциал. Можно сказать, что противодействие коррупции в

решающей степени может обеспечиваться совокупностью (системой) предупредительных мероприятий, направленных на совершенствование существующих общественных отношений, прогрессивное развитие российского общества, всего международного сообщества. Исходя из этого, законодатель прав в том, что указывает на приоритетность предупреждения в деле противодействия коррупции (п. «а» ч. 2 ст. 1, п. 6, ст. 3 Закона), и не прав, что признает возможным устранение ее причин (п. «а» ч. 2 ст. 1 Закона).

Надо постоянно и последовательно бороться с бюрократизмом и волокитой, всесилием и вседозволенностью чиновников, сделать максимально прозрачным и подотчетной управление публичными финансами и иным государственным или муниципальным имуществом, прозрачной и подконтрольной не только служебную, но и общественно значимую деятельность должностных лиц, повысить эффективность внутреннего контроля за деятельностью служащих во всех аппаратах власти, сократить их число до минимально допустимых размеров, улучшить подбор и расстановку кадров в публичном и частном секторах, оптимизировать всю кадровую политику и т.п. Все это можно успешно продвигать лишь медленным и упорным трудом при наличии у руководства страны политической воли и при массовой поддержке народа. Сказанное составляет основу *специального предупреждения коррупции*, которое в определенной мере нашло отражение в Федеральном законе № 273-ФЗ.

2) *Исходя их общего понятия профилактики, указанный в п. «а» ч. 2 ст. 1 Закона вид противодействия коррупции, определяемый как совокупность предупредительных мер, направленных на снижение или, как минимум, сохранение уровня коррупции в обществе, на укрепление иммунитета общественного организма от заболевания социальной болезнью – коррупцией, вполне можно именовать не только предупреждением, но и профилактикой коррупции.*

3) Если термин «предупреждение» сравнительно проще истолковать как *опережающее воспрепятствование тому, что может произойти, но еще не произошло, то предупреждение коррупции на индивидуальном уровне может иметь место лишь тогда, когда коррупционное деяние еще не начало совершаться или еще не завершено (не окончено).*

На самом раннем этапе индивидуальной предупредительной деятельности необходима профилактика (недопущение) коррупционного правонарушения (преступления), совершение которого можно ожидать от конкретной личности.

При возникновении мотива и формировании умысла на коррупционное правонарушение (преступление), т.е. на стадиях «предрешения» и «принятия решения», необходимо *предотвращать* (ос-

танавливать) то, что должно произойти («исполнять принятое решение»).

В случаях, когда речь идет о прекращении происходящего, т.е. начатого, но еще не завершившегося коррупционного деяния, используется его пресечение.

Профилактика (ранняя, непосредственная, рецидивная), *предотвращение* и *пресечение* составляют в своей совокупности индивидуальное предупреждение коррупционных правонарушений (преступлений). На этом уровне предупреждение, как известно, связано с конкретными фактами правонарушений (преступлений) и конкретными правонарушителями (преступниками).

Вместе с тем, указанные стадии индивидуального предупреждения (за исключением профилактики) есть лишь начальные этапы борьбы с коррупционными правонарушениями (преступлениями). Следующими за пресечением должны следовать в этой цепочке этапы «раскрытия», «расследования» «судебного разбирательства» и «осуществления правосудия».

4) «Борьба с коррупцией», о которой говорится в п. «б» ч. 2 ст. 1 Закона, есть деятельность, направленная на то, чтобы победить (преодолеть, остановить, прекратить) начавшееся, продолжаемое коррупционное правонарушение (преступление), наказать за совершенное правонарушителя (преступника) путем уголовного преследования и правосудия или иного противодействия. С этих позиций ч. 2 ст. 1 Закона должна бы определить противодействие коррупции, предусмотренное п. «б», как деятельность «по выявлению, предотвращению, пресечению, раскрытию, расследованию коррупционных правонарушений (преступлений) и осуществлению правосудия по этим категориям дел.

По примеру «Руководящих принципов...» в настоящем Законе также было бы приемлемым разграничение противодействия коррупционной преступности на деятельность: по предупреждению такой преступности и по осуществлению уголовного правосудия по таким делам. Однако более точно такую деятельность все же подразделяет исследуемый Закон, называя такие виды противодействия коррупции, как предупреждение (профилактика) (п. «а» ч. 2 ст. 1) и борьба с коррупцией (п. «б» ч. 2 ст. 1).

В ст. 2 Федерального Закона № 273-ФЗ в качестве правовой основы противодействия коррупции указываются, в частности, нормы международного права, федеральные законы, нормативные правовые акты органов государственной власти субъектов Российской Федерации и муниципальные правовые акты. Законодатель не определяет иерархию нормативных правовых актов, в частности, не указывает, что акты государственных органов субъектов РФ действуют в той их части, в какой не противоречат настоящему Закону или другим федеральным нормативным правовым актам.

Так, очевидны расхождение Федерального закона о противодействии коррупции от 25.12.2008 г. и Закона РТ «О противодействии коррупции в Республике Татарстан» от 04.05.2006 г., прежде всего в том, как они определяют коррупцию. Согласно ч. 1 ст. 1 Закона РТ коррупция есть «незаконное принятие либо извлечение в своих интересах, а равно в интересах иных лиц, лично или через посредников имущественных благ и преимуществ лицами, замещающими государственные должности, а равно должности государственной гражданской службы или муниципальной службы, с использованием своих должностных полномочий и связанных с ними возможностей, а равно подкуп данных лиц путем противоправного предоставления им физическими или юридическими лицами указанных благ и преимуществ».

Дело даже не в той литературной небрежности, которая проявляется, например, в неумеренном и не всегда оправданном употреблении в тексте данного определения союза «а равно» (трижды), использовании понятия «государственная должность» наряду с понятием «должность государственной гражданской службы» как будто последнее не есть разновидность первого.

В отличие от понятия коррупции в федеральном законе, где она определяется как деятельность, включающая перечень, с одной стороны, различных видов злоупотребления служебными (должностными) полномочиями или служебным (должностным) положением, с другой стороны, как деяния, характеризующиеся «подкупом – продажностью» публичных служащих или должностных лиц (дача и получение взятки, коммерческий подкуп), а в целом основой такой деятельности признается злоупотребление должностными полномочиями, т.е. «незаконное использование физическим лицом своего должностного положения», то региональный (татарстанский) законодатель основой коррупционной деятельности по сути признает взяточничество, характеризующееся незаконным принятием либо извлечением должностными лицами в своих интересах или в интересах иных лиц и имущественных благ и преимуществ («продажностью») и противоправным предоставлением им таких благ и преимуществ («подкуп»), а «использование... своих должностных полномочий и связанных с ними возможностей» выступает здесь лишь как способ получения взятки.

В настоящем Законе, несмотря на его несовершенство, определение коррупции позволяет считать коррупционными сравнительно широкий круг противоправных деяний, что больше соответствует уголовному законодательству России, прямо указывает на причинение ими вреда «законным интересам общества и государства», признает субъектами собственно коррупционных деяний не только

должностных лиц или служащих публичного сектора, но и служащих частного сектора.

В Законе РТ от 04.05.06 г. понятие коррупции во многом созвучно понятию взяточничества («получение – дача взятки»), хотя по своему содержанию и признакам оно здесь существенно отличается от описания состава получения взятки в ст. 290 УК РФ, поскольку соответствующие имущественные блага и преимущества предоставляются взяткополучателю «за действия (бездействие) в пользу взяткодателя или представляемых им лиц» либо «за общее покровительство или попустительство по службе».

Вполне очевидно, что положения Закона РТ о противодействии коррупции 2006 г., противоречащие настоящему Федеральному Закону, как и иному законодательству РФ, должны быть исключены. Они подрывают единую антикоррупционную политику в Российской Федерации, затрудняют единый процесс становления и совершенствования системы уголовного и иного антикоррупционного законодательства, препятствуют осуществлению согласованного и целенаправленного противодействия коррупции.

Литература:

1. Ленин В.И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов // Полн. собр. соч. Т.44. – 852 с.
2. Энциклопедия мысли. Собрание афоризмов и изречений от древности до наших дней. Книга первая. – СПб.: Кристал, 1997. – 592 с.
3. Лунеев В.В. Коррупция В России // Государство и право. – 2007. – № 11. – С.20-27.

Corruption: Questions of Legislative Regulation and Legislation Perfection

B. Sidorov, A. Balaev
The Kazan (Volga Region) Federal University

The article continues the research of the aspects stated in the title that was started in the previous issue of the journal. In the previous paper the authors criticized regulations of the domestic legislation concerning the legal definition of corruption, and in the paper under consideration the authors present their own definition, demonstrate the role of legislative definition of corruption in the process of the optimization of norms of Criminal Code concerning amenability for corrupt practices.

Keywords: the corruption, the new federal law on corruption, the law on corruption counteraction, responsibility for corruption crimes, system and kinds of corruption crimes.

